
ФАНТАЗИИ, МНЕНИЯ, ЦЕННОСТИ И ЗНАНИЯ*

А.М. Анисов

Отдел эпистемологии и логики
Институт философии РАН
Волхонка, 14, Москва, Россия, 199991

В статье с позиции философии и семиотики анализируются такие знаковые типы идей, как фантазии, мнения, ценности и знания. Обоснование особенностей идей этих типов включает в себя их определение, способы фиксации в высказываниях, основные и высшие формы проявления, подерживающие глобальные и локальные организации. Типология высказываний производна от выделенных типов знаков. Предлагается разделить высказывания на дескриптивные (описывающие) и эстимативные (оценивающие). Дескриптивные делятся на эпистемические и фантастические виды высказываний, а эстимативные — на аксиологические и доксографические. Исследуется роль суждений названных видов в естествознании, общественных и гуманитарных дисциплинах, философии и религии. Для этого разрабатываются соответствующие критерии определения видов суждений.

Ключевые слова: фантазии, мнения, ценности, знания, высказывания, семиотика.

Если попытаться посредством минимума слов охарактеризовать духовную жизнь человека, то она выразится в его *фантазиях, мнениях, ценностях и знаниях*.

С семиотической точки зрения, фантазии, мнения, ценности и знания являются разновидностями *типов знаков*. Каждый знак имеет синтаксическое и семантическое измерение. В нашей ситуации различить перечисленные типы знаков только по синтаксическим свойствам не получится. Так, рассказ о реальных событиях, вербально выражающий знания рассказчика, и фантастический рассказ о выдуманных событиях, независимо от цели выдумки, может не иметь никаких синтаксических зацепок, позволяющих отделить эти рассказы друг от друга.

Это не означает, что никаких синтаксических различий в обсуждаемых типах не существует. На самом деле, как будет показано, они есть в случае мнений и, хотя бы потенциально, имеются в случае ценностей. Однако синтаксически отделить знания от фантазий невозможно точно так же, как невозможно синтаксически отделить истинные высказывания от ложных. Поэтому остается обратиться к семантическому измерению.

Семантически знаки могут различаться в трех основных аспектах [2]. Во-первых, по *способу указания* на денотат. Если изобразить отношение обозначения между знаком (З) и денотатом (Д) стрелкой (\Rightarrow) в виде $З \Rightarrow Д$, то речь идет о типе стрелки \Rightarrow . Со времен Ч. Пирса обычно выделяют индексирующую, иконографическую и символическую стрелки. Но в рассматриваемой ситуации мы имеем дело только с символическими стрелками, т.е. все интересующие нас знаки являются знаками-символами и потому неразличимы по способу указания на денотат. Во-вторых, это различия по *онтологическому типу* денотата. Как будет показано, исследуемый ряд знаков образован именно различными онтологическими

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00319а.

типами их денотатов. В-третьих, еще имеются различия по *смыслу*. Безусловно, смысловые различия между перечисленными типами знаков налицо, но они вторичны, так как обусловлены попарными различиями онтологических типов денотатов. Другими словами, четырем рассматриваемым типам знаков взаимно-однозначно соответствуют четыре онтологических типа их денотатов.

В основу принимаемой здесь онтологии положены *пространственный* и *временной* критерии [1]. Думается, фундаментальность этих критериев не нуждается в особом обосновании, так что сразу перейдем к их применению.

Рассуждая абстрактно, имеется всего четыре возможных различных отношений объектов к атрибутам пространства и времени. Первый — объект обладает как пространственными, так и темпоральными характеристиками. Второй — объект не обладает протяженностью и не изменяется во времени. Третий — объект не обладает протяженностью, но развивается во времени. Четвертый — объект обладает протяженностью, но не изменяется во времени. Четыре типа отношений объектов к пространству и времени определяют четыре типа существования и, соответственно, четыре класса объектов, существующих в разных смыслах.

Вряд ли кто-либо всерьез будет спорить с тем, что четвертый класс объектов пуст. Иными словами, не существует объектов, которые занимают место в пространстве, но не развиваются во времени.

Правда, в истории философии была попытка утверждать существование объектов такого рода. Имеется в виду концепция античного атомизма, в которой неделимые и неизменные во времени частицы материи — атомы — обладали конечными пространственными размерами и вполне определенной геометрической формой. В настоящее время гипотеза о существовании абсолютно стабильных во времени частиц наукой отвергнута, на основании чего этому типу существования приходится отказать в реальности.

Остальные классы не являются пустыми. Поэтому вместо четырех, следует говорить о *трех типах существования и трех классах объектов*.

В целях большей краткости и определенности первый тип существования обозначим как *st-реальность*, второй — как *¬s¬t-реальность* и третий — как *¬st-реальность*. Символы *s* и *t* указывают на наличие соответственно пространственной и темпоральной компоненты у объекта, а символ *¬* — на отсутствие пространственных (*¬s*) или темпоральных (*¬t*) характеристик объекта.

St-реальность есть не что иное, как *физическая* реальность. Не изменяющуюся в пространстве и времени *¬s¬t-реальность* уместно назвать *идеальной* реальностью. Наконец, лишенную пространственных характеристик, но длящуюся во времени *¬st-реальность* назовем *темпоральной* реальностью.

Итак, три типа существования следующие: физический, идеальный и темпоральный. Отныне это не просто слова с достаточно неясным и неоднозначным смыслом, а понятия, определенные в терминах наличия или отсутствия пространственных и временных свойств.

Непустота выделенных трех типов существования обосновывается предъявлением конкретных представителей объектов каждого типа. Меньше всего про-

блем с st-реальностью. Объекты этого типа существования образуют протяженную субстанцию Р. Декарта или *мир физических* объектов. Естественно предположить, что объекты двух других типов существования *самостоятельно* (т.е. именно как объекты, индивиды) присутствуют только в *ментальном мире*, который образован феноменами субъективного ряда (ощущениями, представлениями, мыслями, образами и т.п.). Образующие ментальный мир темпоральные и идеальные объекты *не занимают места в пространстве*. Откуда это известно? Из *опыта*. Именно опыт встреч с объектами того или иного типа существования позволяет выделять сами типы и анализировать их затем более детально.

Конечно, имеется в виду широко понимаемый опыт, включающий в себя не только опыт обращения с физическими вещами, но и опыт оперирования с предметами мысли. В соответствии с данными такого опыта никто, никогда и нигде не смог усмотреть в темпоральных и идеальных объектах что-либо похожее на размер, величину и т.п. Физические объекты сравнивают по величине, по занимаемому месту в пространстве и прочее; но ничего подобного проделать ни с темпоральными, ни с идеальными объектами нельзя. Нелепо говорить, что образ мыши меньше, чем образ слона, что понятие Вселенной занимает больше места, чем понятие атома, или что понятие треугольника находится дальше от понятия квадрата, чем понятие квадрата от понятия многоугольника. В мире ментальных объектов размеров, величин и расстояний не существует.

Объекты любого типа существования обладают свойствами и находятся между собой в определенных отношениях. Свойства и отношения называют *предикатами*. Предикаты объектов (в том числе и физических!) ни при каких обстоятельствах не могут выступать в качестве физических вещей. Тип существования любого предиката может быть либо темпоральным, либо идеальным. Третьего не дано. Никто и никогда не спотыкался о лежащий на дороге предикат, не выпаривал предикат из раствора, не разбивал предикат вдребезги... Безусловно, весь наш опыт с однозначностью об этом свидетельствует.

Элементарные познавательные акты — это акты перехода предиката физической вещи в объект ментального мира и обратно. Переход предиката физической вещи в объект ментального мира есть акт *абстрагирования*. Обратный переход от ментального объекта к предикату физической вещи есть акт *предицирования*. Когда в сознании ребенка появляется такой объект, как кошка вообще, — это результат абстрагирования. Когда при виде соседского кота ребенок заявляет, что видит кошку — это предицирование абстракции кошки к конкретному физическому объекту. Из элементарных актов абстрагирования и предицирования складывается весь познавательный процесс. Такие акты-переходы возможны постольку, поскольку и предикат материальной вещи, и объект ментального мира *одной природы* — оба они или темпоральны, или идеальны.

Поскольку предикаты не требуют места для своего существования, поскольку они пространственно *не локализованы*, постольку возможно *совпадение* предиката физической вещи и ментального объекта.

Та же самая универсалия, которая находится в ментальном мире в качестве объекта, может (хотя это не обязательно) быть присуща физическому объекту в ка-

честве предиката. Темпоральная сторона физического процесса может (хотя опять-таки не обязательно) оказаться сходной с ментальным процессом. Нелокализованность $\rightarrow st$ - и $\rightarrow s \rightarrow t$ -типов существования позволяет им находится *сразу в двух мирах*. Но следует подчеркнуть, что это «нахождение» различно в каждом из миров. В st -мире $\rightarrow st$ - и $\rightarrow s \rightarrow t$ -существование лишь сторона, предикатный аспект физического мира. Там $\rightarrow s \rightarrow t$ -объекты и $\rightarrow st$ -процессы не существуют в самостоятельном виде наряду с физическими вещами и процессами.

Напротив, в ментальном мире нет ни одного st -объекта, зато $\rightarrow s \rightarrow t$ -объекты и $\rightarrow st$ -процессы существуют в собственном своем качестве и могут мыслиться отдельно как друг от друга, так и отдельно от мира физических вещей и процессов, хотя подлинный смысл существования ментальных объектов заключается в возможности предикирования их физическим вещам.

Применим заданную онтологию к описанию знаков фантазий, мнений, ценностей и знаний. Семантико-прагматическая характеристика этих знаков будет представлена в табличной форме с необходимыми комментариями.

Фантазии

Чем являются фантазии с позиции принятой онтологии? *Фантастический объект* — это темпоральный или идеальный объект, рассматриваемый как физически существующий. Иными словами, фантастический объект возникает, когда $\rightarrow st$ - или $\rightarrow s \rightarrow t$ -объекту приписывается st -существование, тогда как в действительности в мире физических вещей такого объекта нет. При этом цели данного приписывания не столь важны. Создатель фантастического объекта может не скрывать его мнимого физического статуса, а может и скрывать, пытаясь ввести в заблуждение. Возможно также, что он сам добросовестно заблуждается на его счет. В любом случае знаковая природа фантазий от этого не меняется.

Обычно в качестве примеров фантастических объектов приводят темпоральные иллюстрации (химеры, единороги, кентавры, лешие, инопланетяне и т.д.). Но куда интереснее ситуация, когда фантастические объекты возникают в науке. Оставленные наукой теплород, флогистон, электрические и магнитные флюиды — яркие тому примеры.

Менее ясно положение дел с эфиром или, скажем, с черными дырами. Последние, несомненно, представляют из себя идеальные объекты. Однако идеальные объекты ментального мира могут быть явлены только в *формальной теории*. Вне такой теории ментальные объекты могут быть только темпоральными. К. Поппер, когда указывал на подчиненную роль понятий (универсалий) в составе теории и призывал ошибочную проблему универсалий заменить проблемой теорий [11. С. 460—461], был совершенно прав. Поэтому если теорию, допускающую черные дыры, сменит другая теория, в которой их нет или они изменят свои формальные свойства, прежние представления о черных дырах перекочат в разряд фантастических, даже если в науке останется прежний термин «черные дыры».

С логико-философской точки зрения *фантастический мир* — это один из возможных миров (1). Но и *действительный мир* — это тоже один из воз-

можных миров. Здесь находится пункт сопряжения фантастического и действительного, виртуального и реального. Раз действительное, как и фантастическое, возможно, то почему бы не совершить обратное умозаключение, и не объявить возможное действительным? Явным образом подобный кульбит осуществляется в так называемой многомировой интерпретации квантовой физики. Вполне серьезно нас уверяют, что любые возможные, но не наступившие в действительном мире физические события реализуются в неких параллельных мирах, якобы столь же реальных, как и наш [5]. Разумеется, никаких прямых эмпирических свидетельств этому безмерному умножению псевдореальных физических миров нет и не предвидится, что делает все подобные умозрительные построения фантастическими.

Канонические примеры фантазий связаны с художественной литературой. Например, слово «Гамлет» является знаком (в данном случае, именем) человека. Но человека не реального, а вымышленного, созданного человеческой фантазией. Тем не менее, об этом фантастическом объекте можно высказывать истинные или ложные суждения. Так, суждение «Гамлет — принц датский» будет истинным, а суждение «Гамлет — принц шведский» — ложным. Рассказ о Гамлете является литературным произведением и, по общему мнению, относится к числу *шедевров*.

В итоге приходим к следующей таблице.

Описание	ФАНТАЗИИ
<i>Определение</i>	Знаки объективно не существующих воображаемых физических объектов
<i>Фиксация в суждениях</i>	Фантастические (виртуальные) суждения
<i>Основные формы проявления</i>	Фольклор, литература, реклама, пропаганда, заблуждающаяся наука
<i>Глобальные организации</i>	Общественные объединения, частные и государственные корпорации
<i>Локальные организации</i>	Союзы писателей, рекламные агентства, министерства пропаганды, сообщества псевдо ученых и т.д.
<i>Высшее проявление</i>	Шедевр

Отметим, что разделение суждений на аналитические и синтетические не связано с их разделением на реальные и фантастические.

Фантастические суждения относятся к выдуманной субъектом, и потому субъективной, внутренней реальности. Однако из самого суждения далеко не всегда можно извлечь вывод о его принадлежности к классу фантастических знаков. Синтетическое суждение «Иван Иванович увлекся историей и философией науки» само по себе не дает никакой информации о том, существует ли Иван Иванович на самом деле или это вымышленный персонаж. Но даже если существует, опять-таки нельзя определить, действительно ли он увлекся, или лишь в чем-то воображении увлекся.

Также имеется группа суждений, истинность или ложность которых, в отличие от синтетических, можно установить из синтаксических или семантических

соображений даже не зная, о реальных или фантастических объектах идет речь. Такие суждения называют аналитическими. Например, суждение «Отца Веры Павловны звали Павел» аналитически истинно, а суждение «Отца Веры Павловны звали Петр» аналитически ложно (2). О какой Вере Павловне говорится в суждениях: о реально существующей женщине или о персонаже романа Н.Г. Чернышевского? Если первое, то эти суждения о реальных людях. Если второе, то это фантастические суждения. Но из самих суждений это не ясно, несмотря на их аналитический статус.

Мнения

В отличие от фантастических суждений, которые могут ничем не отличаться от суждений о реальной действительности, правильно сформулированные догсографические суждения обязательно содержат ссылку на мнение того или иного субъекта и потому явно демонстрируют свою семиотическую принадлежность к сфере оценок, основанных на ощущениях, чувствах и эмоциях. «По моему ощущению, в Ваших доводах не все верно», «Я чувствую твою правоту, «Как сообщает агентство X, выборы в стране Y были не демократическими». И т.д. Действительно ли в доводах не все верно, ты прав, а выборы не демократические? — Об этом не сообщается. Вполне может случиться, что дела обстоят прямо противоположным образом: в доводах все верно, ты не прав, а выборы вполне демократические.

Значит, догсографические суждения, в отличие от фантастических, имеют дело не с выдумыванием внешней реальности, а с ее *искажением*. Это не фантазии, а *мнимости*, которые сплошь и рядом путают с объективными реальностями. В роли жрецов мнимостей выступают журналисты, сотрудничающие со СМИ. Они зачастую наивно полагают, что в своих репортажах и статьях повествуют о реальных фактах. В действительности максимум, на что они способны — это выразить чужие и свои мнения. А мнения по самой своей природе субъективны и не надежны независимо от того, чужие они или свои, что было известно уже древним мыслителям. Зато они обеспечивают равноправие, ставят всех на одну доску.

«Ты утверждаешь это, а я считаю иначе. Такова моя точка зрения. У тебя одно мнение, у меня другое», — так или почти так рассуждают находящиеся в плену мнимостей. Отсюда, например, получившая широкое распространение в СМИ практика приглашения на обсуждение научных проблем не только ученых, но и людей, не имеющих к науке никакого отношения. Тем не менее, презумпция равноправия мнений заставляет считать, что суждения специалистов и остальных участников обсуждения являются однопорядковыми по своей значимости.

Описанная ситуация носит не частный характер, а является проявлением глобальной и потому еще более опасной тенденции возрастания воинствующего невежества и сведения науки до уровня различных мнений. А мнения равны, каждая имеющаяся точка зрения (или, как выразился писатель Лесков, «кочка зрения») имеет право на существование наряду с любой другой. То, что наука оперирует отнюдь не мнениями, а чем-то другим, журналистике принципиально неизвестно. Она не способна выйти за границы мнимостей, обречена во веки веков вращаться

в кругу мнений без понимания того, что эти мнения надо бы хоть как-то объективно обосновать или опровергнуть. Там другая проблема: мнений ведь столько, сколько людей. Но не будет же журналист монотонно опрашивать многочисленных реципиентов об их взглядах на те или иные события и явления. Он будет искать необычные, интересные в его представлении мнения.

Но тут возникает еще одна проблема: то, что было интересным и необычным вчера, сегодня уже не интересно и обыденно. Дело в том, что ощущения и чувства имеют свойство быстро притупляться и потому для возбуждения постоянно требуют новой стимуляции. Отсюда непрерывный поиск всякого рода сенсаций, даже если эти сенсации дутые. *Сенсации* — мощное средство возбуждения чувств, привлекающее внимание к передаваемой информации и потому мерило успеха в журналистике. Нечего и говорить, что к науке вся эта доксографическая суэта не только не имеет отношения, но и представляет опасность (в виду всесилья СМИ) для формирования адекватного представления о реальности в обществе.

Сведем описанные характеристики мнений в таблицу.

Описание	МНЕНИЯ (Мнение — Докса)
<i>Определение</i>	Знаки оценок, основанных на ощущениях, чувствах и эмоциях
<i>Фиксация в суждениях</i>	Доксографические (мнимые) суждения
<i>Основные формы проявления</i>	Точки зрения, общественное мнение, слухи, сплетни
<i>Глобальные организации</i>	Средства массовой информации (СМИ)
<i>Локальные организации</i>	Редакции газет, журналов, радио, ТВ и т.д.
<i>Высшее проявление</i>	Сенсация

Любой человек неизбежно находится в сфере доксы. Социальная и личная жизнь без постоянной субъективной оценки происходящего была бы невозможной. Данный факт сам по себе нейтрален. Ведь в мнениях как таковых нет ничего предосудительного. Поэтому негативная роль мнений проявляется не в любых ситуациях, а только в связи с троякого рода злоупотреблениями. Во-первых, это необоснованное тиражирование одних мнений в ущерб другим, на самом деле не менее значимым. Во-вторых, это зачастую разрушающее стремление к сенсационности, игнорирующее нравственные аспекты сенсаций. В-третьих, это сведение научных знаний к мнениям, в результате чего стирается грань между наукой и лженаукой.

Таким образом, следует избегать не мнений, а злоупотреблений, с ними связанных. Сами же мнения как правдоподобные свидетельства о реальности необходимо использовать и изучать, как показал еще в древности Парменид [10], опиравший не только путь истины, но и путь доксы.

Если денотатами фантазий, как было показано, могли быть как $\rightarrow st$ -объекты, так и $\rightarrow s \rightarrow t$ -объекты, то денотатами мнений могут быть только темпоральные $s \rightarrow t$ -объекты. Появление идеальных $\rightarrow s \rightarrow t$ -объектов в сфере доксы исключено. Ведь изменяющиеся во времени ощущения, чувства и эмоции, наполняющие эту сферу, являются неотъемлемой частью темпоральной стороны ментального мира.

Ценности

К чему относятся ценности как предельные основания человеческого выбора, как знаки глубинных упований и надежд? Если вдуматься, то поневоле приходится сделать вывод, что ценности главным образом выражают неудовлетворенность наличным внешним миром и манифестируют себя как желание и надежда его изменить в должном направлении. Хотя бы в будущем (идея коммунизма), хотя бы после смерти (христианство).

Ценности не столько говорят нам, *каков* мир, сколько о том, каким он *должен* быть. В любом случае речь идет именно о внешнем мире, будь это земное светлое будущее или горнее царствие небесное. Преобразование внутреннего мира тогда выступает лишь условием достижения желанного преобразования внешнего мира, но не как самоцель.

Что толку в самосовершенствовании, если оно не ведет к торжеству должного вне меня? Даже удалившийся от мира отшельник мечтает воссоединиться с Богом, как вне его существующей реальностью, как бы он эту реальность себе не рисовал. Что уж говорить об ориентированных на земные блага людях, ценности которых можно есть, пить и носить.

Конечно, если в духе солипсизма отвергнуть само разделение миров на внутренний и внешний, то и говорить станет не о чем. Но если в той или иной форме признавать наличие этих различных миров, то сказанное останется в силе.

Приведем таблицу, в которой представлены основные, на наш взгляд, характеристики аксиологической сферы.

Описание	ЦЕННОСТИ
<i>Определение</i>	Знаки предельных оснований свободного выбора, глубинных желаний и надежд
<i>Фиксация в суждениях</i>	Аксиологические (значимые) суждения
<i>Основные формы проявления</i>	Мифологии, религии, идеологии
<i>Глобальные организации</i>	Церкви, партии, секты
<i>Локальные организации</i>	Храмы, монастыри, семинарии, партийные органы и т.д.
<i>Высшее проявление</i>	Святость

Ценности манифестируют себя в аксиологических суждениях. Аксиологические суждения зачастую формулируются как глубокие объективные истины о мире и человеке, и тогда они являются неявными аксиологическими суждениями. В действительности они говорят о принятых субъектом (личностью или социальной группой) ценностных денотатах, т.е. основополагающих желаниях и надеждах в отношении внешнего мира. Таковы, например, суждения «Бог есть любовь и только любовь», «Душа бессмертна», «Человек — венец мироздания», «Истина, добро и красота едины», «Капитализм обречен», «Победа коммунизма неизбежна» и т.д. В лингвистическом смысле совсем не очевидно, что это аксиологические суждения. На первый взгляд, это категорические высказывания, не несущие ценностной нагрузки.

Однако существует процедура выявления их скрытого ценностного смысла. Она состоит в переформулировке категорического суждения в суждение долженствования. Например, якобы категорическое суждение «Настоящий воин *является* храбрым» («Настоящий воин храбр») трансформируется в аксиологическое высказывание «Воин *должен* быть храбрым» или «Воин *обязан* быть храбрым». Соответственно, посредством этой процедуры получаем ряд явных аксиологических суждений «Бог должен быть любовью и только любовью», «Душа должна быть бессмертна», «Человек должен быть венцом мироздания», «Истина, добро и красота должны быть едины» «Капитализм должен быть обречен», «Победа коммунизма должна быть неизбежна» и т.д.

Всякое ли категорическое суждение допускает такую переформулировку?

Чисто синтаксически да. Но с семантической позиции — нет. Скажем, легко получив из «Луна — спутник Земли» высказывание «Луна должна быть спутником Земли», мы замечаем, что Луна, по большому счету, ничего нам не должна. Утверждая, что « $2 + 2 = 4$ » мы, скорее всего, не будем склонны настаивать, что «должно быть $2 + 2 = 4$ ». А если верно, что «вам не заплатили зарплату», то отнюдь не хочется признавать верным, что «вам не должны были заплатить зарплату». И уж совсем неверным выглядит переход от «ты украл» к «ты должен был украсть».

Могут возразить, к примеру, что Бог, как и Луна, тоже никому ничего не должен. Однако это заявление не соответствует фактам. В беде мы обращаемся к друзьям и близким в уверенности, что они не могут не помочь, т.е. должны помочь. Тем более к Богу люди обращаются с молитвой, в надежде, что Он поможет им. Но если Он для них ничего не должен делать, то в чем смысл обращения? Оно будет таким же бессмысленным, как обращение к Луне или к числам 2 и 4.

Конечно, если Луна — это богиня, а числа — духи, то можно обращаться и к ним. В действительности имелся и культ Луны, и вера в божественность чисел (у пифагорейцев, которые молились числам). Но мы имеем в виду Луну как спутник Земли и числа как особые идеальные объекты без сверхъестественной подоплеку. Аналогичным образом можно разобрать другие примеры скрытых аксиологических суждений.

По типу существования денотаты ценностей, как и денотаты мнений, относятся исключительно к *—st*-реальности. Не означает ли это, что посредством принятой онтологии знаки данных видов различить не удалось?

В каком-то смысле действительно налицо родство ценностей и мнений. Недаром слова «оценка» и «ценность» так похожи. Можно даже сказать, что ценности — это некая предельная разновидность оценок. Тем не менее, суть именно в различии между простым и предельным случаем оценки.

Основополагающей характеристикой мнения является отнесение к конкретной личности, что выражается синтаксически в обороте «по мнению *x*...». Настоящие ценности определенно носят *безличностный* характер. Если воин *должен* быть храбрым, то это не потому, что так должно быть в силу мнения какого-то *x*. Кроме того, будучи темпоральными, ценности, в отличие от изменчивых мнений,

могут не меняться не только в масштабе времени человеческой жизни, но порой остаются неизменными на протяжении веков. И все же они зависят от исторического времени и потому не идеальны.

Знания

Следующим типом знаков являются знания. Их основные характеристики кратко описаны в следующей таблице.

Описание	ЗНАНИЯ
<i>Определение</i>	Знаки объективной реальности
<i>Фиксация в суждениях</i>	Эпистемические (реальные) суждения
<i>Основные формы проявления</i>	Обыденные знания, нарративные знания, технические знания, науки (эмпирические и теоретические, включая логику и математику)
<i>Глобальные организации</i>	Академии наук, университеты, инженерно-конструкторские объединения
<i>Локальные организации</i>	НИИ, ВУЗы, конструкторские бюро, лаборатории, библиотеки и т.д.
<i>Высшее проявление</i>	Теория

Когда глядят в окно и констатируют: идет дождь, слова «идет дождь» являются знаком локализованного в пространстве и времени материального процесса и тем самым представляют знание о дожде как объективной *st*-реальности.

Какого рода это знание? Либо относящееся к *—st*-реальности темпоральное образное знание, либо образующее *—s—t*-реальность идеальное понятийное знание.

Когда нас попросят рассказать, что мы знаем о дожде, рассказ будет принципиально незавершенным: наше личностное знание о дожде не может быть исчерпано определенным конечным набором утверждений. В этом случае мы описываем изменяющийся во времени, но пространственно не локализованный образ дождя, возникающий в сознании. Такое знание относится к сфере темпоральной реальности. Если же дождь — это «жидкие атмосферные осадки, выпадающие из облаков», в которых «диаметр капель от 6—7 до 0,5 мм» (при меньшем размере капель это уже не дождь, а морось) [12. С. 407], то перед нами — *идеальное* понятие о дожде, которое надлежит сопоставлять с реальными физическими процессами выпадения атмосферных осадков. И такое сопоставление может проводиться наделенным искусственным интеллектом прибором, в котором представлено идеальное знание о дожде.

Между прочим, подавляющее большинство людей, — можно сказать, *почти все* люди, — будут констатировать физический факт дождя посредством сравнения наблюдаемого факта и личностного темпорального образа дождя, а не путем сравнения с идеальным понятием. Точно так же будут действовать *все* обладающие психикой животные. В искусственном интеллекте ситуация прямо противоположная: он способен оперировать идеальными понятиями, но не темпоральными образами.

Итак, знание о st-реальности представлено либо в форме —st-образов, либо в форме —s—t-понятий.

Но возможно ли знание о —st- и —s—t-реальности, т.е. возможно ли знание о знании?

Да, возможно, поскольку знание может быть объективировано, представлено физически существующими носителями, будь это созданные человеком изображения, звучащая речь или тексты.

Наиболее адекватной формой объективной фиксации знаний являются тексты. Будучи проинтерпретированными, тексты порождают в сознании интерпретатора либо хоровод сменяющих друг друга образов, либо цепь логически взаимосвязанных понятий. И в первом, и во втором случае порождаются новые тексты — тексты о текстах. Это и есть знание о знании.

Только как удостовериться, что действительно получено знание о знании? Если исходный текст проинтерпретирован в темпорально-образной форме, то связь между ним и новым текстом обеспечивает процедура *цитирования* исходного текста в новом. Если же речь идет об идеально-понятийной интерпретации, соответствующая связь устанавливается посредством процедуры *доказывания* на базе исходного текста новых фактов.

Принципиально важно отметить асимметрию между темпоральной и идеальной интерпретациями текстов. Темпорально-образной интерпретации может быть подвергнут любой текст. При этом адекватность интерпретации обосновывается цитированием исходного текста. Но отнюдь не любой текст может быть проинтерпретирован на идеально-понятийном уровне с последующими новыми доказательствами. Даже математические тексты могут трактоваться в образной форме, как это продемонстрировал в блестяще написанной книге [6] И. Лакатос, вместо доказательств предложивший обильное цитирование работ математиков и философов. Только такого рода интерпретации возможны в отношении текстов стихов, традиционной метафизики, гуманитарных дисциплин — короче, любых бесформульных или слабо структурированных текстов. Хотя как цитирование, так и доказывание относятся к интересубъективным процедурам (3), их роль в получении нового нетривиального знания несопоставима: цитирование оставляет нас на донаучной стадии познания, и лишь при наличии доказательств можно говорить о феномене науки как таковой.

Обыденные знания не требуют комментирования. Они необходимы и важны, так как без них человек перестанет ориентироваться в повседневной среде, утратит возможность адекватного к ней приспособления.

Технические знания — те знания, которые обеспечивают любую *сложную специализированную практическую деятельность*.

Греки под техникой понимали не только то, что называют техническими устройствами, но и *мастерство* — обладание специализированными умениями и навыками. И в нашем смысле к техническим знаниям как основе умений и навыков относятся не только специальные знания создателей машин, механизмов

и приборов, но и знание техники решения математических задач, техники строительства, техники создания предметов быта, техники диагностики и лечения болезней, техники игры на музыкальных инструментах, техники танца, живописи и т.д. Рецептурная математика Древнего Востока была технической дисциплиной, поскольку требовала от исполняющих рецепты незаурядной техники вычислений и построений, не говоря уже о решении более трудной технической задачи по изготовлению новых рецептов.

Но сказанное не означает, что все перечисленные области знания целиком и полностью причисляются к разряду технических. Например, в медицине лишь часть медицинских знаний имела технический характер. Мы имеем в виду, что искусство диагностики и лечения болезней достигло стадии мастерства задолго до того, как медицина обрела научную почву. Но и тогда медицина не сводилась исключительно к технике, поскольку не меньшее значение в ней играло нарративное знание.

Слово «нарратив» (*narrative*) буквально означает «рассказ», но во втором значении — «изложение фактов» [7. С. 498]. Следуя этому второму значению, *нарративом* будем называть изложение или описание фактов.

В познавательном процессе описанию фактов предшествует стадия их установления и проверки. Поэтому *нарративное знание* получается в результате установления, проверки и последующего изложения и типологической систематизации фактов.

В типичной форме нарративное знание воплощено в *исторических* текстах. Детальное описание симптомов болезней обязательно для медицины. Географические, биологические, филологические и некоторые другие изучающие природную и социальную реальность дисциплины на протяжении веков оставались по преимуществу нарративными. Многообразие фактов делает актуальной задачу их упорядочения. Отсюда свойственное нарративному знанию стремление к разделению фактов на роды и виды, построению таблиц, схем и классификаций. Эти построения могут иметь отношение к науке, но сами по себе науки не образуют.

Между прочим, все, что до сих пор было сказано здесь о знаках, несомненно должно быть квалифицировано как семиотическое нарративное знание, не являющееся наукой. Для философии не так уж мало, поскольку в этой сфере чаще приходится сталкиваться с не содержащими знаний фантастическими построениями и выражением собственных мнений. Главное ведь в том, чтобы получить надлежащие знания, а не в несбыточном стремлении все знание превратить в науку.

Даже если какие-то отрасли знания сегодня на достаточном основании причисляются к науке, это не означает, что нарративное знание в их составе утратило значение. Геология, география, ботаника, зоология, медицина, филология и многие другие науки по-прежнему включают в себя нарратив как важную часть добытых знаний.

Приведенное семиотическое деление имеет целью не только установить местоположение науки в мире символов, но и продемонстрировать богатство и раз-

нообразии этого мира. Ни в коем случае нельзя свысока относиться к тому, что не является наукой.

Человек не может жить без фантазий, без выражения своего мнения, без принятия или отторжения ценностей, без обыденных, нарративных и технических знаний. Попытка выстроить какую-то иерархию этих типов символов по абсолютной значимости была бы безнадежным предприятием.

Еще одна цель — предостеречь от смешения символов разных типов. Говорят, что дьявол скрывается в деталях. Этот афоризм верен, но не менее верен и другой: *дьявол скрывается в смешении*. Когда смешивают добро и зло, порок и добродетель, свободу и рабство, знание и невежество, истину и ложь, правдивость и лукавство, теорию и доктрину, ценности и мнения, науку и религию — результаты окажутся не просто плачевными, а будут серьезно дезориентировать людей. Символический язык дан нам для того, чтобы *различать*, а не смешивать.

Как вытекает из рассмотренных таблиц, знаки внешнего мира допускают четыре типа высказываний об этом мире. Их можно объединить в две группы: дескриптивные (описывающие) и эстимативные (оценивающие). В результате получается следующая таблица.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ			
ДЕСКРИПТИВНЫЕ (описывающие)		ЭСТИМАТИВНЫЕ (оценивающие)	
Эпистемические (реальные)	Фантастические (виртуальные)	Аксиологические (значимые)	Доксографические (мнимые)

В науке, понятное дело, преобладают эпистемические суждения, хотя там невозможно избежать появления фантастических гипотез и теорий. Как уже говорилось, никакими семиотическими средствами отличить реальное суждение от фантастического невозможно, за исключением случая, когда суждение выражает логический закон или является противоречием.

Если эпистемическое суждение *A* не является ни тем, ни другим, существует возможный мир, в котором *A* истинно и мир, в котором *A* ложно. Именно поэтому по виду такого *A* в принципе нельзя определить, истинно оно или ложно. В религии ведущую роль играют аксиологические суждения. Они также оцениваются в категориях истины и лжи, но в религиозных доктринах истинность и ложность означают соответствие или несоответствие догмам доктрины. Сама же доктрина сомнению и критике не подлежит.

В нетривиальных философских построениях, выходящих за рамки фантазий и доксографии, также главенствуют аксиологические суждения. Это утверждение не соответствует ставшему привычным мнению, что философские системы включают в себе знания. Знания могут вырабатываться философией, но, как правило, они подчинены ценностям.

Чем же тогда философия отличается с семиотической точки зрения от религии? Тем, что религии выражают *коллективные* системы ценностей, а философии — *индивидуальные*. Поэтому представители одной религии могут сходиться во мнениях между собой вплоть до деталей, тогда как в дискуссии философов такое возможно разве в виде исключения.

Наиболее подвижны и изменчивы фантазии. Менять мнения уже труднее. Еще устойчивей ценности, ради сохранения которых нередко готовы пожертвовать даже жизнью. Казалось бы, ряд исчерпан и ничего более стабильного, чем ценности, особенно если они обретают силу твердой веры, нет. Однако это не так. Только знания поистине вечны. Однажды познанное, если оно познано *истинно*, не изменится и не отменится во веки веков. Вера — всегда наша вера. Нас не будет — не будет и веры. Поэтому вера — от нас. А вот истина — не наша. Мы исчезнем, а истина останется. Человечество погибнет — веры не будет, ибо некому будет верить. Но истина останется истиной, даже если некому ее познавать. Получается, что истина обладает собственным бытием, не нуждающимся в нас для своего существования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Обзор методов создания возможных миров попытался дать Н. Гудмен в книге [4]. Попытка сама по себе интересная, но, к сожалению, эти методы описаны настолько нечетко, что получилась крайне аморфная система, непригодная для практического применения.
- (2) Конечно, возможна ситуация, когда настоящего отца Веры Павловны звали «Петр». Но тогда это не Вера Павловна, а Вера Петровна. Аналогичным образом, из суждения «Петр холостяк» аналитически вытекает суждение «Петр не женат». А если он на самом деле все-таки женат, то тогда он не холостяк.
- (3) Понятие интерсубъективности в связи с проблемой обоснования знания с разных сторон обсуждается в работах [3; 8; 9].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Анисов А.М. Типы существования // Вопросы философии. — 2001. — № 7. — С. 100—112.
- [2] Анисов А.М. Современная логика. — М., 2002.
- [3] Анисов А.М. Логика интерсубъективного цитирования // Философский журнал. — 2008. — № 1. — С. 109—132.
- [4] Гудмен Н. Способы создания миров. — М., 2001.
- [5] Дойч Д. Структура реальности. — Москва-Ижевск, 2001.
- [6] Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. — М., 1967.
- [7] Мюллер В.К. Англо-русский словарь. — М., 1967.
- [8] Павленко А.Н. Пределы интерсубъективности (критика коммуникативной способности обоснования знания. — СПб., 2012.
- [9] Павлов С.А. Интерсубъективность в логической семантике и в пространстве семиозиса // Философия науки. — Вып. 14: Онтология науки. — М., 2009.
- [10] Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. — М., 1989.
- [11] Поппер К. Логика и рост научного знания. — М., 1983.
- [12] Советский энциклопедический словарь. — М., 1980.

IMAGINATIONS, OPINIONS, VALUES AND KNOWLEDGE

A.M. Anisov

Department of Epistemology and Logic
Institute of Philosophy RAS
Volhonka, 14, Moscow, Russia, 199991

In article from a position of philosophy and semiotics such sign types of ideas, as imaginations, opinions, values and knowledge are analyzed. The background of features of ideas of these types includes their definition, ways of fixing in statements, the basic and maximum forms of display supporting the global and local organizations. Typology of statements derivative from the allocated types of signs. It is offered to divide statements on descriptive and estimate. The role of judgements of the named types in natural sciences, public and humanitarian disciplines, philosophies and religions is investigated. Appropriating criteria of definition of types of judgements are developed for this purpose.

Key words: imaginations, opinions, values, knowledge, the statement, semiotics.

REFERENCE

- [1] *Anisov A.M.* Tipy sushhestvovaniya // *Voprosy filosofii*. — 2001. — № 7. — S. 100—112.
- [2] *Anisov A.M.* *Sovremennaja logika*. — M., 2002.
- [3] *Anisov A.M.* Logika intersub#ektivnogo citirovaniya // *Filosofskij zhurnal*. — 2008. — № 1. — S. 109—132.
- [4] *Gudmen N.* *Sposoby sozdaniya mirov*. — M., 2001.
- [5] *Dojch D.* *Struktura real'nosti*. — Moskva-Izhevsk, 2001.
- [6] *Lakatos I.* *Dokazatel'stva i oproverzheniya. Kak dokazyvajutsja teoremy*. — M., 1967.
- [7] *Mjuller V.K.* *Anglo-Russkij slovar'*. — M., 1967.
- [8] *Pavlenko A.N.* *Predely intersub#ektivnosti (kritika kommunikativnoj sposobnosti obosnovaniya znaniya*. — SPb., 2012.
- [9] *Pavlov S.A.* Intersub#ektivnost' v logicheskoj semantike i v prostranstve semiozisa // *Filosofija nauki*. — Vyp. 14: *Ontologija nauki*. — M., 2009.
- [10] *Parmenid.* *O prirode* // *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Ch. I*. — M., 1989.
- [11] *Popper K.* *Logika i rost nauchnogo znaniya*. — M., 1983.
- [12] *Sovetskij jenciklopedicheskij slovar'*. — M., 1980.